

КУДА УХОДЯТ ДЕТИ

Дети от родителей уходят. Кто-то на другую квартиру, кто-то в другую семью, кто-то просто в свою, отдельную жизнь. Уходят по-хорошему и трудно, быстро и постепенно, окрыленными или надломленными борьбой за «свободу и независимость». Так или иначе — дети уходят. А если нет, то психологически подкованные окружающие за них беспокоятся. А неподкованные и попросту наклеивают ярлыки вроде «маменькин сынок» или «старая дева».

Если для родителей ребенок — всегда ребенок, то для него самого это не так однозначно. Отсюда и непонимание. И чем жестче упреки в том, что «забыл», «оставила, бросила», «неблагодарный ребенок», чем сильнее звучит требование, по сути, оставаться ребенком, «соответствовать надеждам», «быть опорой», тем больше непонимание между взрослыми и детьми.

ЧТО НУЖНО РОДИТЕЛЯМ

Родители прожили большую часть своей жизни — жизнью детей, их заботами и заботами о них, вложили в них все, что могли, и часто даже больше, чем могли (а иногда и больше, чем, наверное, было нужно!). Для родителей долгие годы ребенок, его благополучие, его жизнь были смыслом и целью, едва ли не самой главной сутью жизни собственной. Так что через двадцать с небольшим лет практически половина жизни оказывается намертво впаянной в этого человека. Который сейчас хочет уйти. Отдалиться. Унести из жизни смысл, унести главное. Самое важное — родителям нужно знать (не просто услышать для проформы, а узнать-поверить), что они были хорошими родителями. Что они своим детям нужны, что их любят. И, кстати, что им благодарны. И еще раз — любят. Собственно, большинство обвинений, болезненных психологических ударов, горьких слов достается детям от родителей именно в связи с этим внутренним непокоем. Им, родителям, не так важно на самом деле, моете ли вы полы в доме, с тем ли молодым человеком проводите время, ту ли девушку любите, насколько правильно выбрали профессию.

На все это накладывается самый главный страх — потерять своих детей. А с ними — самих себя.

Страх этот неизбежен и свойствен, наверное, всем родителям. У кого-то он выражается в жестких требованиях и мелочном контроле (удержать при себе!), у кого-то — в слезах и обвинениях, у кого-то — в мрачном и холодном укор, уходе в себя, у кого-то — в услужливой опережающей заботе там, где уж беспокоиться вроде бы и незачем (обычно это сопровождается просящим и упрекающим взглядом одновременно).

— Слушай свою мать!

— Посмотри, что ты сделала со своим отцом!

— Я тебя никогда ни о чем не попрошу: сама должна догадаться, что матери нужно!

— Сынок, не бросай нас, мы тебе еще пригодимся!

— Нам ничего и не нужно, лишь бы тебе было хорошо!

И так далее.

Не всегда это проявляется так резко. Чем мудрее родители, тем менее явно все происходит. Но переживают они все равно. Переживают жестокость, нечуткость и неблагодарность детей. Даже если знают, что это глупо и все так и должно быть.

А тут еще мужской кризис: «Кем я оказался в этой жизни на ее исходе» — и тяжело переживаемые каждой женщиной возрастные изменения в организме — климакс. Все это и при благоприятных условиях проходит трудно, а тут еще дети...

Родителям очень важно знать, что дети их любят.

ЧТО НУЖНО ДЕТЯМ

В самом раннем возрасте дети не отделяют свой мир от мира родителей, потому что в таком единстве — залог благополучия, спокойствия и безопасности для малышей. Со временем им становится все более важно осознать себя людьми — отдельными, самостоятельными. А не частью других людей, даже родителей. Детям важно убедиться, что они чего-то стоят, что-то могут и вообще живут сами. Поэтому самые добрые, нужные и важные родительские действия, касающиеся их жизни, воспринимаются как вмешательство. Агрессия. Вторжение.

Посягательство.

Ребенок, противодействуя такому вмешательству, проходит первую проверку на свою состоятельность. Самость. Это нормально в подростковом возрасте. А если в подростковом удалось плохо, то — и в юношеском тоже. Человек не успокоится, пока не проверит и не докажет себе, что он — сам. Сам думает (и имеет право на мысли, которые родители и другие влиятельные старшие считают неправильными), сам делает (в том числе и безобразия, как это кажется окружающим), сам решает и сам выбирает. Сам! Это недостаточно узнать. Это надо проверить. И жизнь родителей превращается в кромешный... Ну, вы знаете. В ребенке-подростке-юноше в это время борются разные личности: детская, прямо связанная с родителями, новая — ищущая — и еще та, которая только будет, ради которой ищущая и действует сейчас. Детской личности недостает родительского одобрения и любви, которые отвергает личность ищущая, отвергает вместе со всем, что исходит от «агрессоров». Личность будущая и вовсе большей частью в растерянности и недоумении. Ведь ее еще почти и нет. И вот девочка-отличница демонстративно вываливает при гостях из сумочки пачку презервативов, приличный парень делает себе модную tattoo и прокалывает пупок. Но это все подростковое, преходящее и потому, конечно, кошмар, но — не самое страшное. Для родителей.

Потому что через пару-тройку лет внешние, демонстративные проявления сойдут на нет, а утверждение себя, настоящего и самостоятельного, приобретет более глубокие, а значит, и более тяжелые для родителей формы.

«Ребенок» решает сам уже не мелочи, а серьезные вещи: уходит из института и поступает в другой (или идет работать), объявляет о предстоящей свадьбе, снимает квартиру. Чем в большей степени молодой человек осознает и принимает себя как взрослого, тем глубже становится уровень его самостоятельности. Человек ищет и устанавливает отношения. Он строит свое понимание мира и сравнивает его с принесенным из детства (то есть — с родительским). Он перестраивает стиль общения с родителями так, как сам считает нужным, по своему представлению. Возникает отчужденность. И, наконец, человек говорит себе: «У них своя жизнь, а у меня — своя. Мы разные люди». Кстати, ему не всегда хватает такта сказать это только себе. Обычно родители это тоже слышат. И понимают по-своему: мы, дескать, ребенку больше не нужны. В этот период жизни взрослому человеку важнее всего самость. Свобода, приобретение личного опыта, пробы и ошибки — все то, что может ему убедительно доказать: он как отдельный и самостоятельный человек состоялся. И если он слышит, что все это на самом деле «дурь и детство», то реакцию на такие слова представить, я думаю, несложно.

КТО КОГО ПОЙМЕТ

Ну и что же тут делать? Как согласовать желания и потребности и тех и других? Для начала — понять, что в мире все именно так и обстоит. Это не личное ваше невезение, а нормальная жизнь, обычные ситуации. Со всеми слезами, конфликтами, переживаниями и нервотрепками. Так бывает практически у всех. А потом — нужно захотеть понять друг друга. Потому что обвинение «ты не хочешь меня понять» обесценивается сразу, как только выясняется, что

бросающий его сам не хочет и не собирается понимать другого. Да и любое-то обвинение мало что прибавляет.

Это не значит, что именно детям обязательно надо понять родителей или, наоборот, родителям — детей. Речь идет не о войне и не о том, кто прав и победит. Это вообще не важно. Речь о том, чтобы они поняли друг друга. Пошли навстречу с обеих сторон.

Я до сих пор с внутренним удивлением вспоминаю одну свою консультацию. Точнее, ее результаты.

Парень жаловался, что отношения с отцом становятся все хуже и хуже, что уже и с матерью отношения портятся, обстановка в семье напряженная, и во всем, чуть что случится, винят именно его.

Мы вместе, через мои вопросы и его ответы, разбирались и в его чувствах, и в чувствах его родителей. В конце прозвучал-таки этот вопрос: «Так что же делать?» (Заметим, что желание что-то делать было именно у него, у парня. Если же такого желания нет, помочь или крайне сложно, или вовсе невозможно.)

И здесь, отходя от своей годами сложившейся привычки по возможности прямо ничего не «советовать», я попросил парня (а ему уже было за двадцать) пойти вечером к отцу и в кои-то веки поговорить, что называется, по душам. Если получится и если в душе что-то такое возникнет, сказать отцу, что он, сын, его любит и что отец ему нужен. Ну, располагала обстановка к такому вот прямому совету. Хотя, наверное, это все-таки исключительный случай.

Через неделю парень пришел снова. Но уже не на консультацию, а поделиться. Разговор с отцом (за пивом — угощал сын) у них состоялся. Так обычно не бывает, но тут случилось: жизнь изменилась сразу. В тот вечер на слова о любви отец почти не ответил, замкнулся и пошел спать. Зато наутро он сам пришел и разбудил сына, не дал домочадцам завтракать, пока тот не вышел к столу, отвез в институт, а вечером ждал, чтобы встретить и отвезти домой. И — почти не разговаривал, просто улыбался. (А дядька судя по описанию, суровый.)

Любую попытку матери накричать на сына отец пресекал сразу. И так всю неделю. Рассказывал мне все это парень будучи совершенно ошарашенным. Характерная деталь: «Я же ему ничего такого не сказал, чего бы он сам не знал».

На самом же деле для детей очевидно, что родителей они любят (правда, с годами очень глубоко в душе). Просто для них «не это главное». А родителям это важно. И далеко не так очевидно.

Недавно, спустя уже два года, парень позвонил и пришел снова. Я поинтересовался, как дела в семье. «Ну там-то как раз все хорошо, — парень улыбнулся, — я хотел спросить о другом...».

Сразу подчеркну: так бывает не всегда. И вообще, этот случай исключительный. Бывает и по-другому. Случается, что дети родителям мстят (за прошлое или настоящее). Однако с возрастом, чем спокойнее и увереннее в себе становятся молодые люди, тем больше они смотрят на родителей как на «тоже людей» (а не на источник опасности для своей личности).

Чем взрослее дети, тем легче им относиться к родителям как взрослые люди относятся к взрослым. И — как к людям дорогим и близким. И — любимым и нужным. Вот тогда дети к родителям возвращаются.

Но до этого еще нужно дожить. А до тех пор важно обеим сторонам не натворить ничего такого, что сделает уход детей необратимым.